

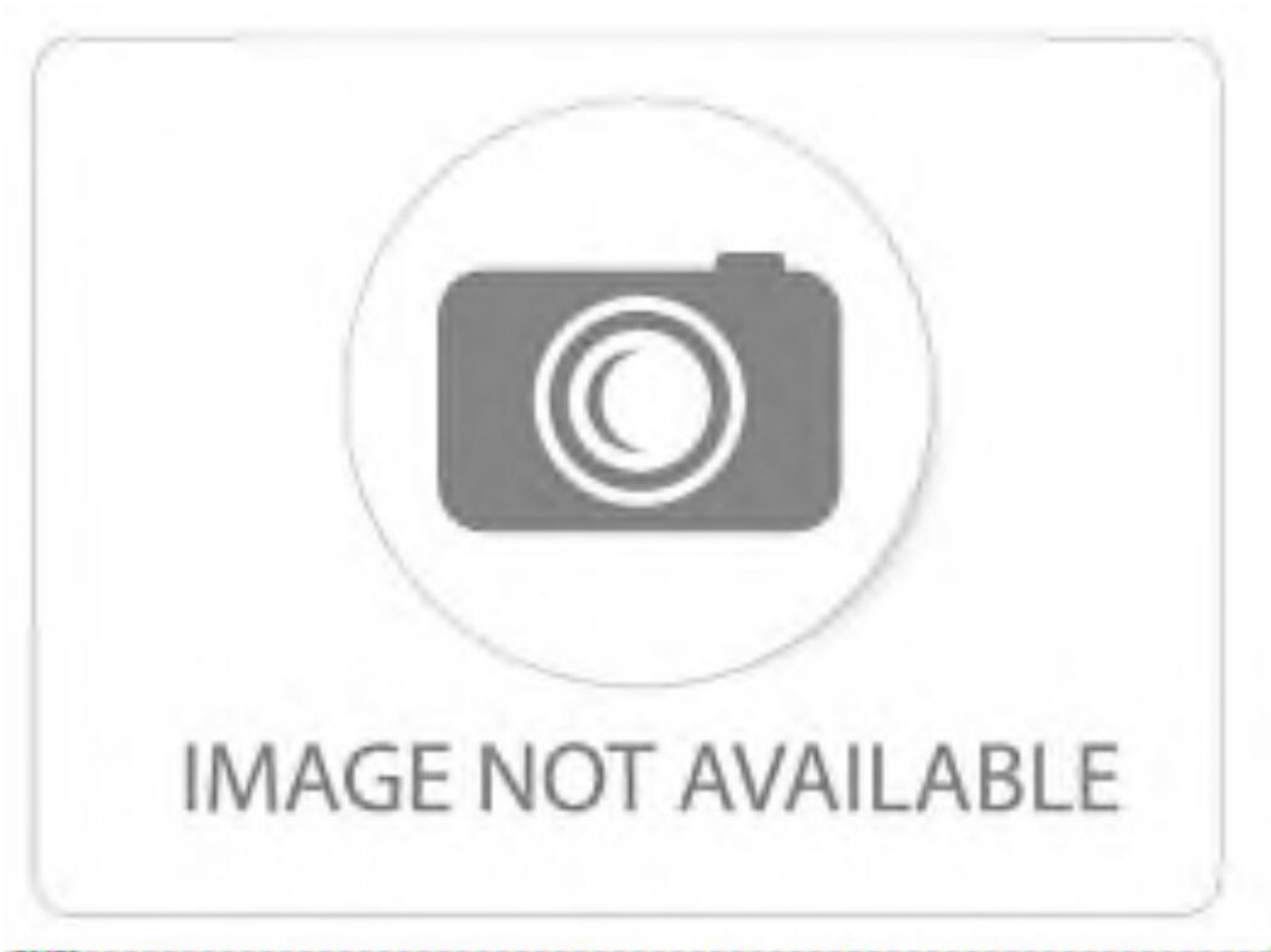
Semyon Semeyniy. Full, unedited interview, 2008

ID [IS079.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b44m91f41>

ITEM TYPE	VIDEO	ORIGINAL LANGUAGE	RUSSIAN
-----------	-------	-------------------	---------

TABLE OF CONTENTS **ITEM TRANSCRIPT**

ORIGINAL TRANSLATION	2
ENGLISH TRANSLATION	9
CITATION & RIGHTS	16

Semyon Semeyniy. Full, unedited interview, 2008ID [IS079.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b44m91f41>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

TRANSCRIPT ORIGINAL TRANSLATION

—Сегодня 3 марта 2008 года. Мы находимся в городе Ор Акива, встречаемся с ветераном Второй мировой войны. Пожалуйста, представьтесь, расскажите о вашем детстве, ваших родителях, о школе, в которой вы учились.

Я родился 10-го мая 1927 года в городе Витебске. Четыре класса я учился в еврейской школе. Мой дедушка был меламед. Он имел своих учеников, которых учил ивриту. Я четыре года учился в еврейской школе, а потом еврейской школы не стало. Газету «Эмес» выпускали. Отец у меня очень любил эту газету. Журнал «Октябрь» был на еврейском языке. Он это читал, и я прислушивался. Настолько были они набожные . . . дедушка особенно был набожный. Я у него был любимый внук, я ему делал Суккот, будку, где на суккот молятся. На улице обязательно должна быть будка сделана, накрыта ветками ели, чтобы он видел небо, чтобы он видел звезды. И вот, я ходил в лес, рубил эти елки. А это время дождей. Дожди льют, а он стоит, и пока не кончит молитву, он не уходил. Понимаете, насколько он был предан, насколько он верил в эту идею.

Но мы были воспитаны . . . А потом, когда еврейских школ не стало, я перешел учиться в 10-ую Сталинскую школу, и три года я там окончил.

—Родители тоже соблюдали традиции?

Нет. Мой отец религиозным стал после войны. Синагоги своей не было. Они снимали квартиру где-то, собирали десять человек. Снимали у кого-то квартиру, платили деньги. Если есть покойник, умирает, не дай бог, каждый приносит деньги, чтобы кадеш говорить за упокой мертвеца. И они расплачивались потом за эту квартиру. Потом узнает милиция, приходят, хозяйке говорят: «Если еще раз это сборище будет, мы тебя оштрафуем». Их повыгоняли. Я у отца спрашиваю . . . пожилые были уже—70-65—в годы послевоенные. Первое слово он говорит у нас: «За здоровье Сталина». Понимаете, насколько верили, они никогда не могли подумать, что это он творит всё. Насколько были убеждены в его лояльности. А как в армии было: мы ложимся спать под биографию Сталина. Нужно было биографию Сталинскую знать, и нужно было знать 12 Сталинских ударов. Это—как изучают коран. Каждый мусульманин должен знать эту историю всю.

Семь классов кончил Сталинской школы. Это было 22-го: только каникулы школьные . . . у нас бабушка жила в районе Витебска, Сураж, называется. Странная фамилия у нее была: бабушкина фамилия Пушкин. Я туда уехал. Там строили подземный военный аэродром. Первые дни войны немцы прилетели и разбомбили всё, что там было. Работали одни заключенные там. Они были обуты—деревянные подошвы и сверху кожа. Немцы начали бомбить аэродром, все заключенные бросили обувь свою и разбежались по лесам. Тогда начался бандитизм, кушать нечего, деревни грабили. Что там творилось—ужас.

Semyon Semeyniy. Full, unedited interview, 2008ID [IS079.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b44m91f41>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

И вот мы . . . Война началась, и мы уехали с Витебска. В конце июля мы город покинули. Немцы уже начали подходить к Минску, и мы решили уйти: еврейские семьи отца, брата . . . Два брата с семьей, мы. Да, моего отца забрали в армию. Я, старший брат, мать, бабушка с дедушкой. Они немножко отъехали от Витебска и говорят: «Мы дальше идти не будем, мы вернемся назад».

—Кто?

Дедушка с бабушкой. Им тяжело было на подводах, пешком почти что. И их вернули назад, и немцы когда пришли, их сразу в первые же дни всех в гетто, собрали в гетто. Один свидетель остался всего лишь живым—мой двоюродный брат. Он живет сейчас здесь в Израиле в Акко. Они находились все в гетто. Их охраняли полицаи. Немцы сказали: идите все по домам, забирайте все свои драгоценности, и мы вас всех вывезем в Германию, вы там будете жить. Конечно, у евреев где-то были заначки золота и что-то еще. По наследству переходило от бабушки к дочке, от дочки к внучке . . . Ночью их собрали. Детей отдельно, женщин отдельно, мужчин отдельно. А он такой смысленный парнишка был, он с 26-го года. Он видит, что-то такое неладное . . . Если знаете, русские печки, помните русские печки? А под печкой всегда зимой держали кур. Там такое гнездо, и он туда спрятался. И когда всех увезли и расстреляли в танковом рву, он вышел. Он там целый день отлежал, ночью выбрался и попал к партизанам и спасся. После войны он уехал в Ленинград, женился . . . Живет в Акко. Он рассказал всю эту историю.

Когда я вернулся в 51-ом году . . . Призван я был в армию в 44-ом году, а демобилизовался только в 51-ом году. Я отслужил . . . Начал в боевых частях аэродрома дальних бомбардировщиков. Мы находились на обслуживании. Когда фронт продвинулся на запад, аэродром остался. Приехали покупатели. Уже перешли границу Польши, Венгрии, и нас, молодых ребят, начали готовить в десантные войска. Предчувствовали, что война эта еще не окончена и нужно готовиться к следующей, нужны десантные войска. В то время, в наши годы образование было мало у кого. Я кончил семь классов, считался грамотным. Меня взяли в училище оружейным мастером, который обслуживает самолеты. Когда война кончилась, меня—в десантные войска. Я попал в отдельный воздушно-десантный полк резерва Главнокомандующего Сталина в Звенигород, под Москвой. Наш полк участвовал во всех праздничных парадах: первомайских, октябрьских, День Победы, День воздушного флота. Я там был, наверно, года три в этом полку. Потом его расформировали, и я оказался в Витебской области, город Полоцк. Там стояла 3-я воздушно-десантная бригада, и мы там занимались подготовкой. У меня 96 прыжков с самолета. После Полоцка расформировали этот корпус, и нас направили в Каунас. В Каунасе на базе этого воздушно-десантного полка сделали дивизию, 7-ую воздушно-десантную дивизию. Я до 1951-го года прослужил в Каунасе. В апреле месяце 51-го года я демобилизовался в звании старший сержант.

Semyon Semeyniy. Full, unedited interview, 2008ID [IS079.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b44m91f41>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

—Как вы оказались в Красной Армии?

Мы эвакуировались.

—Куда вы эвакуировались?

В Саратовскую область, город Энгельс. Там жили когда-то немцы Поволжья. Когда война началась, Сталин их всех в Сибирь убрал. На это место эвакуированных из центра страны . . . Мы пешком шли до Ржева. В Ржеве нас посадили на поезд и довезли до Калинина. В Калинин нас посадили на баржи и повезли до Энгельса. Там высадили и распределили.

Когда мы шли пешком—нужно отметить этот момент, запомнился, мне было 14 лет,—мы исходили от жажды, хотелось очень пить, не так кушать, как пить. Мы заходили в деревни, подходим к дому и просим попить. Я помню, эпизод такой был: мальчик вышел, мы говорим— попить. Он убежал, через несколько минут прибегают: «Мама сказала, что бери хворостину и гони жидов в Палестину». Это был 41-ый год. Насколько они были враждебно настроены. Что они знали про евреев, про жидов? Ничего не знали, а пропаганда делала своё черное дело. Мне это запомнилось, как вчера это только было.

—Откуда шла эта пропаганда?

Я думаю, эта пропаганда—немцы забросали листовками. Листовки туда бросали. Самолет летит, бросает эти листовки. Мы же попали в окружение. До Ржева когда мы шли, мы попали в окружение. Из окружения вырвалась небольшая горстка солдат, помню, как сейчас: мы идем туда, а они оттуда. «Куда вы идете?». Куда? Мы не знаем. «Куда вы идете? Там немцы, идёте с нами». И они буквально нас вывели из этого кольца. Через час-два те, которые сзади нас шли, уже не могли пройти. Нас вытащили из этого кольца. Немцы закрыли кольцо, и остались они. Они все вернулись назад и попали в гетто.

Я хочу дополнить. Когда я демобилизовался, отец мне рассказывает . . . В 45-ом году он приехал. По болезни его комиссовали из армии, и он в 45-ом году, когда вернулся в Витебск, сразу начал искать, где кто. Никто ничего не знал. Им сказали, что там-то танковые рвы в деревне Зайцево, идите туда, вам расскажут, где и что . . . И действительно, они туда пошли, и их привели, и они нашли три громадные могилы. Папа говорит, что еще земля дышала. Они раскопали немножко, видят, что мужчины тут, дети . . . На свои средства, со всех городов, в которых дети остались, начали писать письма, собирать деньги, потому что государство не увековечивает, потому что никому это не нужно. Если вы помните фамилию Минц—академик. Он в Москве, а отец тоже в Витебске жил, и он тоже оказался в этой могиле. Этот академик прислал громадную сумму денег, сам приехал. Наняли рабочих и поставили два обелиска—для женщин и для мужчин. Не давали

Semyon Semeyniy. Full, unedited interview, 2008ID [IS079.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b44m91f41>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

разрешения написать: Здесь похоронены евреи—жертвы фашизма. Граждане Советского Союза! Обелиск сделали, хотели сделать шестиконечную звезду. Не разрешили. Только пятиконечную звезду. На обелиске хотели выбить шестиконечную—ничего не разрешили. Насколько это было страшное время.

Но верили в идею Сталина. Верили. Шли на расстрел, а ему верили. Я лично его видел четыре раза. Или это был дублер. Я встречался с его дочкой Светланой Аллилуевой. Как это мне удалось? Мои родственники жили . . . вы откуда?

—Из Ленинграда.

Они жили в Москве у Красных ворот. Охранник Сталина, полковник, который был на послевоенной конференции, его сопровождал везде. Его дочка заболела полиомиелитом. Ее тогда парализовало, она не могла двигаться. Мой двоюродный брат —они учились в одном классе—приносил ей уроки. И он мне говорит: «Дядя, хочешь посмотреть Светлану?» Что за Светлана? «Дочка Сталина, сейчас она придет к этой девочке». И я ее видел. Грузинская девочка, не было такого, чтобы ее сопровождал кто-то.

Я посмотрел, насколько свободно перемещались все. Не было такого рекета, не было такого похищения детей, как сейчас. Был на демонстрациях. Мы ночью на репетициях . . . Конечно, выходил дублер его, сам он не появлялся. Редко когда он появлялся сам. Даже сейчас в печати читаешь, сколько у него было дублёров. Редко когда он появлялся сам.

—Какие моменты у вас остались в памяти из боевой жизни в период войны?

Я лично в боевых действиях не участвовал. Я обслуживал бомбардировщики дальнего действия. Мы подвешивали бомбы, проверяли огнестрельное оружие. Те улетали, потом прилетали, мы снаряжали и обратно улетали. Мне было всего лишь 17 лет. У меня внучка здесь, 17 лет. Я сравниваю, когда мне было 14 лет, я работал в колхозе. Ночью я пас верблюдов, быков, лошадей, а днем я работал прицепщиком в тракторе. Я еще успел там в эвакуации кончить восьмой класс. Надо было работать, надо было зарабатывать трудовни, чтобы прокормиться. Я работал день и ночь.

—Вам было 14 лет . . .

Когда началась война, мне было 14 лет.

—и вам пришлось найти работу . . .

Semyon Semeyniy. Full, unedited interview, 2008ID [IS079.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b44m91f41>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

В колхозе. Если вы помните . . . вы же из Ленинграда . . . Обозы с зерном. «Хлеб для родины!»—вы смотрели фильм? Такой же, как я, 14 лет еще один. Больше мужчин не было, все были на фронте. Один на первой подводе, один на третьей подводе, на каждой подводе по 10 мешков зерна. На первой подводе написано: «Хлеб родине». На верблюдах. Целый караван—десять верблюдов, десять повозок по десять мешков. Сто мешков нужно было везти на элеватор, а мешок выше меня ростом. Мне нужно было его поднять и отнести вверх. Сколько нужно было силы, чтобы эти сто мешков вдвоем перенести, высыпать и обратно ехать в колхоз. Очень урожайное было место. Пшеницы там было столько . . . Они даже урожаем пользовались 40-го года. Мать моя работала в колхозе. Ходила на бахчи. Бахчи—это там, где выращивают арбузы, дыни. Она там работала. А потом был призван в армию. Мой брат старший 24-го года, сейчас он в Натании живет. Он был призван в армию в 43-ем году и тоже прошел до Берлина. Слава богу, ни ранения, ничего. Когда я был призван в армию, мать осталась одна в колхозе. А потом отца демобилизовали по болезни, и они, как только война кончилась, в Витебск вернулись. Витебск был разбит—ни кола, ни двора. Они где-то у знакомых под городом остановились.

Я успел очень многое, я в 51-ом когда демобилизовался, я до 54-го года учился до 10-го класса. Десятый класс кончил, и меня с производства направили, стал работать помощником мастера трикотажного производства. Меня направили в Ленинград учиться в институт имени Кирова (Текстильный институт). Жил я на Лиговке, снимал квартиру четыре года. Производство оплачивало учебу, питание, присылало нам деньги. Получил диплом инженер-трикотажник. Женился, две дочери. Подготовился к пенсии: машина . . . Не последний человек в обществе был. И тут—надо уезжать. Старшая дочка вышла замуж, в Москву уехала. Младшая вышла замуж и осталась в Витебске. Зять младший списался со своим другом в Америке, и им прислали вызов.

Мы должны были в 9-ом году уехать. А дочка в 89-ом году кончает институт, и мы говорим: «Миша, пусть Мира кончит, тогда уедем вместе вместе». А тут Буш – раз и перекрыл, Америка не принимает больше. Пришлось всё бросить и ехать сюда. Я очень благодарен этой стране, очень благодарен. Я по сегодняшний день работаю, я не опускаюсь, я работаю. Дочь моя младшая здесь работает, она сотрудник абсорбции. Старшая дочь живет в Реховоте. Она имеет двух сыновей. Один отслужил армию, а младший семь месяцев, как в армии. Это боевые войска, которые только могут быть использованы для борьбы с терроризмом. Тысячу раз не дай бог, вчера два таких парня в перестрелке с террористами были убиты. Тысячу раз не дай бог. Парень под метр девяносто, боксер. Старший—судья международной категории по «ушу». Знаете «ушу»? Это интересный вид спорта, привезли из Ленинграда. Саша Френкель приехал из Ленинграда, и он там был спортсменом, занимался ушу. Это спортивное единоборство. Шпаги, сабли, копья. Они прыгают, танцуют . . . Это очень забавный вид спорта. Он тренировал молодежь, а сейчас судья международной категории. Везде побывал. Это китайский вид спорта. Он в Китае несколько раз был, всё за свой счет. Государство не оплачивает.

Semyon Semeyniy. Full, unedited interview, 2008ID [IS079.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b44m91f41>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

—Где вы были, когда узнали об окончании войны?

Это было в воскресенье утром . . . Закричали: «Война кончилась!» А у нас автоматы стояли в пирамидах. Схватили эти автоматы, на улицы выбежали, начали салют давать, обниматься, целоваться. Это что-то было невероятное.

Ее брат в 44-ом году погиб. 20 лет. Погиб, она одна осталась у родителей. Она (жена) хранила письма с фронта. Я сделал стенд «Никто не забыт». У нас есть родственники, которые потеряли своих близких. Никто о них не знает. Я сделал специальный стенд. Мы на День Победы приходим сюда, ставим свечку у этого стенда. Оператор Борис приходит с камерой, снимает, потом нам дает кассету.

Моя старшая внучка поступает в Хайфский университет. Она отслужила армию, служила в секретной части на аэродроме, составляла секретные карты, когда Ливанская война была. Она с отличием окончила школу, сейчас будет поступать в университет. Младшая, Сабра, уже в десятом классе. Увлечлась верховой ездой. Я хожу на ипподром и наслаждаюсь: она сидит в седле и дает команду лошади вправо . . . идет вперед, танцует . . . Я вспоминаю свое детство, когда я был в колхозе и пас лошадей. Сам шпингалет вот такой—14 лет, представляете?

—Вы сказали, что ваш отец был религиозным после войны. Что на него повлияло?

Повлияло . . . его семья осталась жива. Один сын был на войне, второй сын. Он говорил, что когда был в армии, он про себя мысленно разговаривал с богом. Когда он вернулся, он решил посвятить себя . . . Ему жена, его жена сшила талес—тогда же не было в магазине—из белого материала, из простыни, черные ленты, как настоящий талес. Когда увидели в синагоге, что Матес—его звали Матес—пришел в талес,—«Где ты взял?». Он говорит: «Жена сшила.» «Ой, надо нам всем . . .». И она всем шила талесы. А когда я демобилизовался, он мне говорит: «Ты знаешь сынок, свиток . . .». Они где-то нашли. Кто-то из русских принес им этот свиток. Где-то спрятан был. Но не было, на что накрутить. И он мне говорит: «Сделай хорошее дело, закажи где-нибудь, чтобы сделали». Когда это им сделали, они не могли нарадоваться. В этом районе, где они жили, единственная была скрытая синагога, тайная синагога, которая имела свои талесы и имела свой свиток.

А потом милиция приходила, они уходили в другое место. Та синагога, которая осталась,—немцы ее не тронули по каким-то причинам—сделали склад. Евреям молиться не разрешалось. Между прочим, все мы имеем еврейский обряд, приехали сюда полноценными евреями: брит-милу делали там. Даже внук, который родился в Москве, ему в Москве сделали брит-милу. Он приехал сюда тоже полноценным евреем. Отец соблюдал шабат. У нас никогда не было в доме свинины. Соблюдали пейсах. Посуда хранилась отдельно. Только, помню хорошо, вываривали чугуны. В

Semyon Semeyniy. Full, unedited interview, 2008ID [IS079.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b44m91f41>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

печке накаляли камень, а там вода, и бросали этот камень туда, и он кошерный делался. А мацу получали мы из Ленинграда, Минска, потому что у нас было запрещено этим делом заниматься.

—Как он совмещал веру и веру в Сталина?

Вы знаете, запретный плод очень вкусный. Я здесь по праздникам хожу в синагогу. Есть ашкеназийская, кавказская, бухарская, индийская—очень много у нас синагог в Ор Акиве. Ашкеназийская синагога . . . я не вижу молодежи. На праздники мы собираемся и всей семьей идем туда. На пейзах у нас маца, хлеба нету. Стараемся соблюдать еврейские традиции.

—Большое спасибо.

Я очень рад, что Америка интересуется.

Semyon Semeyniy. Full, unedited interview, 2008ID [IS079.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b44m91f41>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

TRANSCRIPT ENGLISH TRANSLATION

—It is March 3, 2008. We are in Or Akiva speaking to a veteran of the Great Patriotic War. Please, introduce yourself and tell us about your childhood, your family, and the school you attended.

I was born on May 10, 1927 in Vitebsk and I attended a Jewish school for four years. My grandfather was a melamed and taught Hebrew to his students. I went to the Jewish school for four years, but then the school ceased to exist. There was a newspaper called “Emes” that my father liked. There was a magazine called “October” in Hebrew. He read it and I listened carefully. They were very religious . . . especially my grandfather. I was his favorite grandchild and I built him a sukkah booth for prayers during Sukkot [a biblical Jewish holiday, also known as Feast of Tabernacles]. There must be a booth outside covered with spruce branches in order for a person to see the sky and the stars. I went to the forest to cut down these spruce branches. It would rain hard but he would just stand there praying until he finished the prayer. Do you understand how much devout he was?

We were raised . . . When there were no more Jewish schools, I went to the Stalin School No. 10 for three years.

—Did your parents observe those traditions as well?

No. My father became religious after the war. There was no synagogue, so they would rent a small apartment where ten people would gather. When somebody passed away—God forbid—everyone gave money in order to have the Kaddish prayer service for the diseased and then they paid rent for the apartment. Then the police would find out and tell the owner: “If you allow them to come here again, we will fine you.” They would be kicked out. I used to ask my father after the war—he was already advanced in years, around sixty-five or seventy. His first words had always been: “To Stalin’s health.” They really believed in him and could not even imagine what he was doing. Everybody believed he was very loyal. In the army, we went to sleep while somebody would read Stalin’s biography out loud. We all had to know the Stalin’s biography and his Twelve Blows [Ten Blows was a collective name for ten major strategic offensive operations from 1944 to 1945]. It was similar to learning the Quran: every Muslim must know it.

I finished seven grades of the Stalin School. It was the 22nd, the start of the school break . . . My grandmother lived in Surazh near Vitebsk. She had a peculiar last name: Pushkin. I went to visit her. There were some convicts building an underground military airbase there, but the Germans destroyed it by air during the first days of the war. The prisoners had leather shoes with wooden soles. When the Germans began to bomb the airbase, the prisoners took off their shoes and ran into the forest. There was nothing to eat, so they started pillaging villages. It was a nightmare.

Semyon Semeyniy. Full, unedited interview, 2008ID [IS079.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b44m91f41>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

So we . . . left Vitebsk at the end of July, after the war had started. The Germans were approaching Minsk and we decided to flee, the Jewish families. Father's, brother's . . . Two brothers with the family, us. My father was drafted into the army. My older brother, my mother and my grandparents went together. After we passed Vitebsk, they said: "We are going back."

—Who said that?

My grandparents. Going by a dray-cart was hard for them—it was almost like walking. They went back. The Germans arrived and almost right away, within the first few days, gathered them into ghettos. My cousin, who now lives in Acre, Israel, was the only witness that survived. They were all in ghettos guarded by the Polizei [local collaborators]. Then the Germans told them to go back home and bring back the valuables, because they were going to go to Germany and live there. Of course, the Jewish people had gold and other valuables inherited by women through many generations. They gathered everybody at night and divided into separate groups of men, women, and children. He was a very smart guy, born in 1926, and he realized something was not right . . . Do you remember Russian stoves? There were always chicken kept in the alcove under those stoves in wintertime, and that was where he was hiding. The Germans took everybody to a tank ditch and executed them, and then he got out. He spent the whole day hiding there, got out at night, ended up with partisans, and saved his life. After the war, he went to Leningrad and married there. He now lives in Acre. He told me his story.

When I came back in 1951 . . . I was drafted in 1944, but I was demobilized only in 1951. I served . . . I started in the combat air troops at the long-range bomber airbase. We provided maintenance and support. Then the front moved westward and our airbase remained. Recruiters came. We had crossed the borders of Poland and Hungary and they began to train us, young lads, as paratroopers. They felt that they needed to get ready for the next war, while the current war was still under way, so they needed airborne forces. Back then, few people had education. I had seven years of schooling and I was considered literate. I became a weapons technician in the vocation school and maintained aircrafts. After the war, I became a paratrooper. I ended up in a separate airborne regiment of the Commander-in-Chief Stalin's reserve force in Zvenigorod near Moscow. Our regiment took part in all celebratory military parades, such as May Day parade, October parade, Victory Day parade, and Airforce Day parade. I served in that regiment for about three years. Then, the regiment was deactivated, and I ended up in Polotsk, Vitebsk region. The 3rd Airborne Brigade was stationed there and we were training there. I carried out ninety-six parachute jumps. After Polotsk, the corps was deactivated and we were sent to Kaunas, where the 7th Airborne Division was being formed as part of the airborne regiment. I served in Kaunas until 1951 and demobilized as senior sergeant in April 1951.

—How did you end up in the Red Army?

Semyon Semeyniy. Full, unedited interview, 2008ID [IS079.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b44m91f41>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

We evacuated.

—Where did you evacuate?

To Engels in the Saratov Region where the Germans from Povolzhye used to live. When the war started, Stalin relocated them to Siberia from the country's center region. We walked to Rzhev, got on a train and went to Kalinin. After that, we went to Engels by barge and were sent to different locations.

One episode is worth mentioning. When we went on foot—I was fourteen years old—we were extremely thirsty. We wanted water more than we wanted food. We went into villages and into people's houses asking for water. This is what I remember: a boy came out and we asked him for something to drink. He ran back into the house and came out in a few minutes saying: "My mom said to take a whip and to whip the kikes all the way to Palestine." It was in 1941. That was how hostile people were. What did they know about Jewish people, about "kikes"? They knew nothing, but the propaganda did its dirty work. I remember this as if it were yesterday.

—Who was spreading this propaganda?

I think it was the propagandist leaflets dropped by the Germans. They dropped the leaflets from the airplanes. We were encircled on our way to Rzhev. A small group of soldiers broke out from the encirclement—I remember it very well. We came across them as they were heading in the opposite direction from us. They asked: "Where are you going?" We did not know. "Where are you going? The Germans are there. Come along with us." They literally led us out of the encirclement. In a couple of hours, those behind us could not leave. They dragged us out of the noose and then the Germans closed it, trapping the others. They went back and ended up in the ghetto.

I would like to add something. My father spoke to me after I demobilized . . . In 1945, after he was invalidated out of the army, he returned to Vitebsk and started looking for people. Nobody knew anything. Then somebody told them to go to the tank ditches in Zaitsevo village to find out more . . . They went there and they were shown three huge graves. My father told me the ground was still breathing. They began to dig and saw the corpses of men and children . . . People started donating money and writing letters from the towns and cities where there were still children left, because nobody in the government cared about commemorating the memory. Do you remember the name Mints? He was an academician who lived in Moscow and his father from Vitebsk was in that grave as well. That academician donated a lot of money and came down there himself. They hired help and installed two monuments—one for men and one for women. They were not allowed to write: "Here the Jewish victims of fascism are buried." Only "The Citizens of the Soviet Union"! They had an obelisk made and then wanted to have a hexagram engraved on it, but nothing was allowed. That was such a scary time.

Semyon Semeyniy. Full, unedited interview, 2008ID [IS079.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b44m91f41>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Still, they believed in the Stalin idea. They did believe in it. They would go to executions, but still believed him. I saw him in person four times or it might have been his body double. I met his daughter Svetlana Alliluyeva. How did I do it? My relatives lived . . . Where are you from?

—From Leningrad.

They lived in Moscow near the Red Gates. Stalin's bodyguard, a colonel who accompanied him at the post-war conference. His daughter had polio, was paralyzed, and could not move. My cousin, who was her classmate, brought her the schoolwork. Once he told me: "Uncle, would you like to see Svetlana?" "What Svetlana?" "She is Stalin's daughter and she is going to visit this one girl." I saw her. She was a Georgian girl and came without any bodyguards.

I saw how freely people moved. There was not any such crime or child abduction back then as there is now. Attended demonstrations. We had rehearsals at night . . . Of course, his body double came out instead of him. He rarely showed up himself. Even now I read in the press how many body doubles he had; he rarely made an appearance.

—What do you remember from your combat experience during the war?

I did not participate in combat. I was maintaining long-range bombers. We attached bombs and checked the weapons. The bombers flew out, and then flew back. We loaded them up and they flew out again. I was only seventeen years old. I have a seventeen-year-old granddaughter here. I think back on the time when I was fourteen years old and worked on a collective farm. I tended camels, bulls, and horses by night and worked as a rear operator of a tractor by day. I even managed to finish the eighth grade while in evacuation. One had to work and get enough "labor days" in order to get food. I worked around the clock.

—You were fourteen years of age . . .

I was fourteen when the war started.

—And you had to work . . .

On the collective farm. If you remember . . . You are from Leningrad [St.Petersburg] . . . There were these grain convoys. "Bread for the Motherland!" Have you watched that film? There was a fourteen-year-old lad just like me. There were no men left because they all had left for the front. One person led the first dray-cart, another—the third, ten sacks of grain on each cart. The first cart had "Bread for the Motherland" written on it. We used camels and had a real caravan of ten camels and ten carts with ten bags on each cart. One hundred sacks had to go to the elevator, and each one was taller than me. I had to lift a sack and

Semyon Semeyniy. Full, unedited interview, 2008ID [IS079.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b44m91f41>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

bring it up. A person needed so much strength to carry these 100 sacks together with one more person, pour the grain out and go back to the farm. The land there was very productive. There was so much wheat . . . They were still using the harvest of 1940. My mother worked in the gourd fields on a collective farm. A gourd field is a place where there are melons and watermelons. She worked there. And then I got drafted. My older brother was born in 1924; he now lives in Netanya. He was drafted in 1943 and he fought all the way to Berlin. Thank God, no injuries. After I was drafted my mother remained at the farm, and then my father demobilized because of the illness. They returned to Vitebsk after the war. Vitebsk was destroyed, they had nothing left and nowhere to live. They stayed just outside the city with some people they knew.

I managed to do many things. I demobilized in 1951, studied until 1954, and finished ten grades of school. After 10th grade, I was sent to a manufacturing facility, where I became an overseer at a knitwear factory. Then they sent me to study at the Kirov Institute (Institute of Textiles). I lived on Ligovsky Avenue and rented an apartment for four years. The manufacturing facility covered my education, housing, and expenses. I graduated with a degree in Textile Technologies. I got married, had two daughters, got ready for retirement, had a car . . . I was doing pretty well, but then . . . I had to leave. My older daughter got married and moved to Moscow. My younger daughter got married and stayed in Vitebsk. My younger son-in-law wrote to his friend in the U.S. and they received an invitation.

We were going to leave in 1989, the year when my daughter was to graduate from college, and so we said: "Misha, let's wait for Mira to graduate, and then we will go together." Then, all of a sudden, Bush wrapped everything up: America was no longer accepting anyone. We had to abandon everything and come here. I am very grateful to this country. Very grateful. I am still working without letting up. My younger daughter works at the Absorption Center here. My older daughter lives in Rehovot and has two sons. One already finished his service in the army, another one has been in the army for seven months. He is in combat troops that can only be used to fight terrorism. God forbid! Yesterday two soldiers were killed during a shoot-out with terrorists. God forbid! The lad is almost 190 cm tall and is a boxer. The older one is an internationally certified judge in wushu. Do you know about wushu? This sport is quite interesting. It came from Leningrad. Sasha Frenkel came from Leningrad where he was a wushu fighter. Wushu is a combat sport with swords, sabres and spears; with jumping and dancing . . . It is a very entertaining sport. He used to coach kids, and now he is an internationally certified judge. He travelled everywhere. It is a Chinese sport. He travelled to China several times, but sponsored the trip himself. The government does not pay for it.

—Where were you when you found out about the end of the war?

It was a Sunday morning . . . People were yelling: "The war is over!" We had our machine guns stacked in the shape of pyramids. We grabbed the guns, ran outside, and started to salute, to kiss and hug. It was incredible.

Semyon Semeyniy. Full, unedited interview, 2008ID [IS079.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b44m91f41>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Her brother died in 1944. He was twenty. He died and she (wife) stayed with her parents and kept the letters from the front. I made a board that says: "Nobody is forgotten." We have relatives who lost their family members. Nobody knew about them. I made a special memorial board. We come here on Victory Day and light a candle by that stand. Boris, the camera operator, films it and gives us the cassette.

My oldest granddaughter is applying to the Haifa Institute. She served in the military, in the restricted airport zone, where she was drawing secret maps during the Lebanese war. She graduated with straight A's and is now applying to the university. Sabra, my youngest one, is in tenth grade. She has developed interest in horse riding. I go to a racetrack and enjoy myself: she is on a horse, telling the horse to go right . . . go ahead and dance . . . I think back on my childhood, on how I worked at a collective farm and tended horses. I was fourteen, can you imagine, a young boy still.

—You mentioned that your father became religious after the war. What influenced him?

The fact that his family survived. Both sons were fighting in the war. He said that when he was in the army he was talking to god in his mind. When he returned home, he decided to dedicate himself to . . . His wife made a tallit from a piece of white cloth, a bedsheet, and black ribbons, because the stores did not carry them. When they saw Mates—that was his name—wearing a tallit in synagogue, they asked: "Where did you find it?" He said: "My wife made it for me." "We all need this." Therefore, she made them for everyone. He told me after I demobilized: "Son, the scroll . . ." They found it somewhere, one of the Russians brought it to them. It was hidden somewhere. They did not have anything to put it on, so he asked me: "Do a good thing, have something made for it." When we had it made, they were very happy. In their region, there was a single secret synagogue with its own tallits and the scroll.

Then the police would come and they would have to move to another place. For some reason, the Germans did not destroy the only remaining synagogue—they used it for storage. The Jewish people were not allowed to pray. By the way, we all came here as true Jewish men, we all had a brit milah [a Jewish religious male circumcision ceremony]. Even my grandson born in Moscow had a brit milah. He came here as a true Jewish boy. My father observed the Sabbath and there was never any pork in our house. We observed Passover and stored tableware separately. I remember they were boiling cast iron pots. The rock was heated in the oven and placed in the pot with water, and that made it kosher. We had matzah from Leningrad and Minsk since it was not allowed in a place where we lived.

—How did he reconcile his religious faith and his faith in Stalin?

You know, forbidden fruit is a source of pleasure. I go to the synagogue on holidays. There are Ashkenazi, Caucasian, Bukharian, Indian synagogues in Or Akiva. Ashkenazi synagogue . . . I don't see the youth. On holidays we gather and the whole family goes there. We have matzah, there is no bread. We try to keep

Semyon Semeyniy. Full, unedited interview, 2008ID [IS079.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b44m91f41>ITEM TYPE **VIDEO**

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Jewish traditions.

—Thank you very much.

I am delighted that people from the US are interested in my story.

Semyon Semeyniy. Full, unedited interview, 2008ID [IS079.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b44m91f41>ITEM TYPE **VIDEO**

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIANCITATION **MLA***Citation information coming soon!*CITATION **APA***Citation information coming soon!*CITATION **WIKIPEDIA***Citation information coming soon!*

CONTACT

INFO@BLAVATNIKARCHIVE.ORG
212.275.4600**BLAVATNIK ARCHIVE FOUNDATION**
1633 BROADWAY AVE, 4TH FL
NEW YORK, NY 10019**BLAVATNIKARCHIVE.ORG**
FACEBOOK.COM/BLAVATNIKARCHIVE